

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0023.01.01

Нина Абакшонок.

29 октября 2011г.

Таре #1

-Здравствуйте.

-Здравствуйте.

-Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

-Нина Абакшонок.

-Какого года рождения вы?

-1924.

-Где вы родились?

-В городе Осиповичи.

-Какое-то время тому назад к вам заходили мои коллеги, и вы рассказывали им о ваших воспоминаниях о Второй мировой войне. На этот раз мы пришли, чтобы заснять ваши воспоминания на видео.

-Хорошо.

-Скажите, пожалуйста, когда началась война в 41-м году, где вы находились?

-Я находилась в городе Осиповичи.

-У вас есть какие-то воспоминания о том, как начиналась война?

-Есть.

-Вы можете рассказать?

-Могу рассказать. Война началась, нам объявили в 12 часов дня 22 июня. И вот вечером мы легли все спать: я, мама, папа, брат. И минут 20 двенадцатого слышим, летит самолет. Ну, мама говорит моя, что гул что-то не такой, как наши самолеты гудит, наверное, это немец прилетел. Я говорю: «Дык мы же далеко от границы с Германией, не может это быть.

Это, наверное, учение какие-то». Мама говорит: «Нет». Мы вышли во двор. Правда, гудит. Самолет летит. Но нигде ни одного огонька не было. На вокзале раньше был свет, на военгородке был свет, а то была тьма-тьмущая. Темно. И начал самолет бомбить. Бомбы летят в сторону военгородка. Это не сильно далеко, где наш был дом. А потом после бомбежки строчит пулемет, и самолет сбрасывает ракеты, освещает на военгородку, там тую, казармы освещались. И нам было видно, как летели эти ракеты. Ну, самолет и улетел. Ну, мы долго не спали, не спали, утром уже встали, вышли на улицу, и, кто работал на железной дороге, шли с ночного дежурства, рассказывали: «Это же мецкий самолет летал в Осиповичи». Потом уже рассказывают, где что бомбили, и мы ходили смотрели. В один дом попала огромная бомба, недалеко от больницы. Дом той провалился в тую яму, и вдоль военгородка по улице 8 бомб посчитали, но воронки не сильно были глубокие. Но так нам уже стало страшно, так страшно, что нам уже делать, раз уже первые ночь бомбили, так, наверное ж, будут бомбить и следующие ночи. И мы побоялись оставаться в своём доме. И все там уже кто возле нас жил, соседи, мы ушли в ближайшую деревню ночевать.

-Как деревня называлась?

-Деревня Клепчаны-Мост.

- И вы только в ту ночь, или постоянно туда ходили?

-Мы туда ходили четыре или пять ночей подряд. А, немцы пришли в ночь с 29 на 30 июня.

- Через неделю?

- Да. И мы, когда немцы пришли в Осиповичи, да Осипович бомбили Осиповичи. А мы в деревне слышим, как самолеты летают, и мы боялись, чтоб наш дом не сгорел. Не очень далеко от нашего дома один дом сгорел. Так, когда говорят уже, что немцы в Осиповичах, ну так мы решили уже пойти с деревни домой. И, когда мы шли домой, нам так было страшно. Мы зашли на нашу улицу и на встречу идет немец с автоматом вот так вот. И мы шли-шли, остановились, а потом надо ж идти. И мы так боялись, что он в нас будет стрелять. Но он ничего не спросил, ничего не сказал. Мы пошли, и он прошел мимо и мы пошли в свой дом. И вот мы жили и оставались жить уже в своем доме все годы войны.

- Скажите, пожалуйста, у вас в деревне до войны были евреи?

- В деревне? Евреев у нас не было в деревне. Только вот в деревне Замошье было одной еврейки свекровь. И этого ребеночка, когда началась война, эта свекровь взяла себе в деревню, чтобы не в Осиповичах этот ребеночек был.

- Я не поняла, этот ребенок раньше был в Осиповичах?

- В Осиповичах жили евреи. Невестка жила, сын белорус, а женился на еврейке. И, когда началась война, они ребеночка отдали в деревню к свекрови. Эта деревня в километрах 5 от Осипович. А сами они были в Осиповичах, невестка еврейка и с мужем своим. И, когда началась война, евреев всех брали на учет.

- А кто брал их на учет?

- А тут уже местная власть организовалась. Комендатура какая-то. Всем евреям нужно было явиться и всех евреев взяли на учет. Вот что я расскажу. Евреи, как началась война, на поезде стали эвакуироваться в Россию. И вот последний эшелон, там было много евреев, он зашел за Осиповичи, я не знаю сколько километров, и разбомбили тот поезд. И евреи остались все в Осиповичах, которые ехали на поезде, они остались в Осиповичах.

- И много таких было?

- Много. Очень даже много. Кто ушел в партизаны, может, кто, как пробирался, но было много евреев в Осиповичах.

- А откуда вы знаете, что это именно те люди, которые эвакуировались, они именно евреи были? Ведь они могли быть разных национальностей?

- Разные. Коммунисты уезжали на этом поезде и евреи. Уезжали самые богатые, бедные почему-то не поехали. Коммунисты, кто член партии, они же боялись немцев, и евреи ехали. Так тот поезд... Все вернулись назад. Это все рассказывали, это же можно было рассказывать.

- Это местные люди рассказывали?

- Местные люди рассказывали: «... разбомбили поезд, и они не уехали».

- Поезд разбомбили до того, как немцы пришли или уже после?

-До того как немцы пришли.

- В этой первой неделе.

-Это был последний поезд. Дальше поезда не пошли. Дальше пошли немецкие поезда.

- И они стали расселяться по домам людей или где они проживали, те , которые отстали от поезда?

- У своих домах.

-В своих домах?

- В своих домах в Осиповичах.

- Я не поняла. Вы же говорили, что на поезде эти люди евреи были не местные, которые уезжали?

-Ну, может со Свислочи, там несколько километров от Осипович, в местечках. Там деревень не было, а в маленьких, там Свислочь, Градянка, были евреи, они приехали в Осиповичи и хотели ехать дальше в Россию. Не с одних Осипович, а километров за 30, только не с деревни, а с местечек. Это такой не город, а местечко называлось.

- То есть, потом они возвращались в свои местечки?

- В свои местечки.

-А часть оставалась в Осиповичах?

- А, которые осиповичские, остались в Осиповичах. Но их дома много разбомбили.

- Но вы же говорили, что не было их, что только одна женщина еврейка была? Вот эта, которая со свекровью? Или было много?

-Нет, много. Это я рассказала про случай, который ребеночка отдали в Замошье. Дальше про ребеночка еще я расскажу.

-Вы говорите, что у вас было много евреев?

-Много. А ребеночка она отдала свекрови. Кто-то из местных, из деревни, подсказал, что у нее там еврейский ребенок. И пришли полицейские...она

плакала... так держала, к себе прижала, отняли у нее этого ребеночка, расстреляли.

- А откуда вам известна эта история?

- А известна , мои родственники там были в Замошье, они рассказали. Моей мамы там двоюродная сестра была, это точно. Она рассказала.

-Понятно.

-Это точно. Местные все знают. Она плакала-плакала, держала-держала, они вырывают из ее рук... ребеночку ,может, 3 года было, маленький еще был. И вот как предали люди... Это местные, там, с деревни. Поэтому я сказала про это. А евреев в Осиповичах ... Осиповичи, после Бабруйска, это был второй город по количеству еврейской национальности. До 36-го года процентов 40 было евреев. Остальные была белорусы, украинцы, польской нации было много в Осиповичах.

- Вы говорите, что после того, как немцы пришли, их заставили регистрироваться, взяли всех на учет?

- Взяли всех на учет. Мужчынам, на одежде, в которой они ходили на работу, их заставляли на работу, их водили на работу и, чтобы они отличались от русских , на плечах нашивали желтые латки.

-А какой формы? Что за желтые латки?

- Были и квадратиками, и прямоугольниками и звездочками, шестиугольничками, разной формы, ну небольшие формы, но жоутенькие.

-Желтого цвета?

- Желтого цвета.

-Это только мужчинам?

-У женщин я не видела. Я женщин не видела, чтобы на работу водили. Я видела мужчин.

- Но они проживали всё еще в своих домах или их собрали где-то?

-Если дом уцелел – они в своих. Но дома их попалили, позжигали все дома, в центре города, где еврейские дома были – позжигали все, так они жили, кто в бараках каких, кто в каких-то пустых домах, а кто пускал их

даже в квартиру. Недалеко от нас, Остапович фамилия, она пустила на квартиру еврейку с ребеночком, а мужа не было... А почему мужа не было? Я не знаю, почему... И долго –долго, и моя мама туда ходила, и она сначала пряталась, чтобы мама не видела, что она еврейка, а потом она уже не пряталась, уже свободно с мамой моей разговаривала. Это было, ну может, один квартал от нашего дома. А потом кто-то всё-равно предал, и пришел полицейский и ее забрал, но хозяйку не наказали за то, что она ее приютила с ребеночком.

- И что стало с этой женщиной с ребенком? Вы не знаете?

- Не знаю, ее забрали полицейские, но хозяйку не наказали полицейские, что она хранила.

-А ваша мама видела, как ее забирали?

- Не видела. Только мама уже пошла, а та женщина, которая приютила, рассказала. Она так перепугалась. Так мы все перепугались. Но хозяйку эту не наказали немцы за то, что она хранила.

-Они жили в своих домах, кто, где жил...

- У кого были свои дома – жил в своих, кто в каких-то бараках, кто в пустых домах, потому что некоторые уже поужезжали...

-Можно было заселяться в эти дома?

- Можно было заселяться в эти дома .

- Вот вы говорите, что их дома спалили. А кто поджигал их дома?

-Ну, я не знаю, кто поджигал их дома: или немцы, или полицейские. А в полицию ушло очень много, в полицию ушли сыновья, родителей которых раскулачили. Много в Осиповичах было раскулаченных семей. Их детей не принимали в комсомол в школе, на работу хорошую не брали, потому что родители как бы «враги народа» считалось. И они пошли за немцев, стали помогать немцам. Но много местных, а потом, когда начались уже партизанские отряды, много местных ребят ушли по заданию партизан в полицию. Я многих знала. Говорю:

-Чего ты пошел в полицию?

-Ах, так надо!

Много я знала, кто служил на пользу партизан, исполнял задания партизан. Доставали документы, пропуска. За городом, нельзя было пройти в город, надо было только по пропуску, а они через комендатуру доставали пропуска и выдавали.

-Но эти дома сгорели после того, как пришли немцы или до того, эти еврейские дома?

-Еврейские дома... мне кажется, что немцев еще не было, от бомбежки, многие от бомбежки сгорели дома. Но не все сгорели, многие остались, а часть сгорели. Может случайно, бомбы туда падали.

- И евреи остались жить в своих домах свободно всю войну, или через какое-то время их забрали?

-И вот, я только не помню, в 42-м году осенью или весной, начали их расстреливать. Не сразу всех. Часть оставляли на работу катаржную вывозили, а по-немногу начали расстреливать. Такие были слухи. «Вот уже расстреливают евреев» - говорят. А я говорю: «Где, что, как?» . «А, возле кладбищ, возле 7-й площадки» – говорят. А там расстреливали не только евреев, коммунистов. А как они расстреливали? Вот вечером, особенно вечером, а мы жили недалеко от 7-й площадки, я вижу – едет машина, большая такая, крытая машина в сторону 7-й площадки. Потом через некоторое время слышны выстрелы. Постреляют-постреляют, опять машина уехала. И вот люди стали говорить, что расстреливают людей. Это летом было. Мама была на поли...

- это 42-го летом?

-42-го летом. Мама была на поли, у нас там было посеяна проса, это пшено, крупу делали. А на поли вечером было видно тот лесок, где была 7-я площадка. Мама видит, едет машина черная, мама испугалась уже. А там такие елочки не очень высокие росли. Машина поехала за тыя елочки, недалеко от дороги, машина остановилась. Мама так перепугалась, так перепугалась, и видит, было просвет... А , тогда мужчины носили, сейчас носят майки и трусы, а тогда носили белые кальсоны, белье у мужчин было белое. Мама видела, как выталкивали из машины, руки завязаны назад, мужчин выталкивали. Мама перепугалась и уже ушла с того поля. И слышала эти выстрелы. Пришла и мне рассказывала: «Вот сегодня я видела эту машину... - но она же не знает, кого расстреливали.- В белье

были мужчины». Это вот такое было . А сейчас, после войны уже, то место всё распахали, там уже поле. Это знает только тот, кто вырубал лес, тот может показать, точно показать это место, где были ямы, а ям там было много. Одну яму – расстреляют, наполнят, засыплют песком- следующую яму выкопают. Там было много таких ям. Там не одни евреи были, там всякой национальности, коммунисты были, всех там расстреливали.

-Как долго длились в смысле времени, недели, месяцы, как длились эти выстрелы?

- Как я помню 42-й год, так там в неделю раза 2-3 мы эти выстрелы слышали. Один раз много этих выстрелов было, один раз не очень -то много этих выстрелов. Но мы слышали выстрелы возле 7-й площадки, потому что я там близко жила.

-Вы имеете в виду, что практически целый год систематически такие расстрелы были?

-Расстрелы были в течение целого лета, по 5-6 человек. Еще расстреливали в этом месте, где я рассказываю, возле 7-й площадки, а еще расстреливали на той вон железной дороге в том конце города, там тоже расстреливали людей. Было 2 места, где расстреливали людей. Но тех, кого там расстреливали, перезахоронили. Там было видно, где были могилы. А возле 7-й площадки - не перезахоронили. Я не знаю, почему не перезахоронили. Но местная власть знала же, что там были могилы, а почему не перезахоронили эти кости, я не знаю почему.

- А откуда вам известно, что там, в другом месте, возле железной дороги, тоже стреляли?

- Хорошо. Рядом с нами был дом. Это мои родственники. Моя подружка на 1 год меня моложе, она работала, немцы заставляли работать. Её заставили за городом полоть ёлку. И их, когда повели на работу полоть ёлку, в эту ночь пролетел советский самолет и разбрасывал листовки. Они взяли, насобирали этих листовок и принесли домой, чтобы всем показать эти листовки. И я читала эти листовки, и все читали эти листовки. А через улицу у них жил полицейский. Но они такие неопытные, взяли жене полицейского дали эту листовку почитать, а жена дала мужу, а муж был полицейский. А полицейский говорит, что такая же листовка была наклеена на комендатуре, где Осиповичи, значит, может и они наклеили,

кто полон ёлку. И всех, кто полон ёлку, арестовали и расстреляли вон там за городом. Почему я знаю, потому что ее мама, когда расстреляли, она ходила в эту яму и своими руками раскопала, и посмотрела лежит ли ее там дочка, па адёже она узнала, но труп она забрать не могла, боялась. Нельзя было. Так вот поэтому я точно знаю, что там расстреливали.

-Как звали вашу подружку?

- Нина тоже, Санкович. Только я Никитична, а она Николаевна.

- И это в 42-м году было?

- Может в 43-м, я не помню...

-Но, получается, ей было где-то 16-17 лет?

-Ей было 16 лет , а мне было 17, когда началась война. Я, когда стреляли ее и рядом через один дом в одной семье дочку, сына и зятя, зять был офицер, но он прятался. Он офицер, когда началась война, он жил в Бобруйске, а немцы окружили Бобруйск, и воинская часть не могла пробраться через линию фронта, дык он пришел с женой к теще жить, но он прятался, мы знали, а так никто больш не знал, что он прятался. Ну, он не пошел через линию фронта, не мог пробраться, он прятался, так его тоже расстреляли. В одной семье троих человек расстреляли.

- А расстреляли их тогда же, вместе с этой группой?

-Вместе. Из-за этой листовки их всех расстреляли.

-И мама вашей подружки нашла там в этой яме...?

-Это моя тётя считается, моего папы двоюродная сестра.

-То есть родственница ваша?

- Она пошла убедиться, лежит ли в той могиле ее дочка. Она была присыпана немножко так песком, и она по адёже узнала свою дочку. И пришла к нам, плакала и рассказала. Это уже точно. Вот поэтому я знаю, что там тоже расстреливали. Но тех всех перезахоронили с того лесочка, там стоит памятник. А возле 7-й площадки, я не знаю почему... Все же знали, что там расстреливали.

-А были еще случаи, о которых вы лично знаете, а каких-то убийствах местного населения? Вот кроме этих.

-Местного населения...Я еще знаю, недалеко деревня, мне кажется, Протасевичи деревня называется. Там одна женщина хранила красное знамя. Ну, тоже, как она хранила? Кто-то из местных знал, и ее за это пришли полицейские, и за это ее, что она хранила знамя, это было воскресенье, ее повесили на базаре.

-Вы видели ее повешенную?

-Я не видела. Моя мама и папа были на базаре и видели. Но говорили, что, как начали вешать, все люди ушли с базара. Но я знаю, где она похоронена, памятник поставили, оградку и на каждый праздник туда ложат цветы.

-И ваши родители сами рассказали вам?

-Да. Мама плакала. И как начали вешать, все люди разбежались с базара. Повесили за то, что она хранила красное знамя.

-А из Осипович еще есть случаи, о которых знаете вы лично, что убивали местных?

-Я видела, как вели на расстрел.

-Кого вели?

-Евреев.

-Расскажите.

-Хорошо. Только я не помню, весной это было или осенью, но было прохладно. На улицах были лужи или после дождя...Может это осенью в 42-м году...Я утром вставала в 8-м часу утра. А мама вставала раньше, а папа мой...надо же было как-то жить, деньги зарабатывать, он был пастухом, пас коровы. Он уже коровы погнал на поле с моим братом на пастбища, а мама была дома. Потом мама была во дворе, и мама слышит какой-то стон. По улице Рабоче-крестьянской стон, в сторону города – стон, мама тихонечно подошла до угла посмотреть, что там такое. Видит, идет толпа. Мама вернулась и говорит: «Нина, Нина, вставай!». А я говорю: «Я уже встала». Я даже время, минут 20 восьмого. Я говорю: «А

что такое?». Она говорит: «Евреев ведут на расстрел». Уже были слухи, что их расстреливают. Я скоренько оделась, выбежала на улицу, когда я с мамой выбежала на улицу, на расстоянии может как этот дом, толпа эта идет по улице, большая толпа. Мужчин много у ватовачках и нашивки на плечах, а женщина одна, как сейчас помню, ребеночка несла на руках и одного за руку держала. И еще несколько женщин с детками с малыши. И как-то они стонали... Мама плакала, я тоже, мы переругались. Шел немец, с автоматом шел, и полицейские, мне кажется 2 полицейских, по одну сторону полицейски и по вторую. Их повели... Мама говорит: «Это ж, наверное, на 7-ю площадку...». И мы стояли на улице. Минут через 20 слышим в той стороне, где расстреливали, выстрелы. Постреляли-постреляли. Ну, это уже точно я знаю. Но лица я видела, но я их никого не узнала.

-Но они хотя бы были местные, отсюда, из Осиповичей?

- Я не могу сказать. Я думаю, с Осипович.

-А ваша мама не комментировала? Она не говорила, что это местные или нет?

-Мама и я смотрели в лица, но мы их не узнали. Но мы не всех знали. Мы жили на окраине города, мы знали всех, кто работал в магазинах, там на базаре. Вот этих мы знали, а других мы не знали. Вот как было.

- Они были с какими-то вещами или с пустыми руками?

- С пустыми руками, ничего у них не было, вёл, кто ребеночка, а так ничего у них не было. Одеты они были как-то тепленька. Было прохладное утро. Вот это я видела. Но это точно евреев. А то так рассказывали про мою одноклассницу, она была очень красивая. Её расстреляли и расстреляли последней со всех евреев. Рая Левина. Моя одноклассница, очень красивая. Её последней расстреляли, жалели расстреливать, она была очень красивая. Это мне полицейские рассказывали.

-Полицейские? Помните фамилию полицейского, который рассказывал вам?

- Рассказывал Сергей Важник.

-Сергей Важник. Он как? Присутствовал или видел всё это?

-Нет, он в пользу партизан работал, а мы общались, ходили на радиоузел недалеко, подслушивать, это ж нельзя было, эти приёмнички... А что ж , где ж наш фронт? Ходили подслушивать, чтобы никто только не знал, секретно.

- А он как узнал про эту Раю Левину?

- Я не знаю, как он узнал.

- А он не объяснил?

-Я не расспрашивала. Так он говорит: «Ты знаешь Раю Левину?», а я говорю: «Так это ж моя одноклассница». Он говорит: «Так ее ж последнюю расстреляли». Он мне сам рассказывал.

-А в этой колонне с евреями, которая прошла по дороге, сколько приблизительно людей было?

- Ну, такая большая... ну, больше за 30. Мужчин много, ну, больше за 30 было человек, большая толпа. Я как помню, большая толпа, идут, идут, растянулись. Большая толпа была.

- А как вели себя с ними полицейские, этот немец?

- Когда вели?

-Да.

- Ни звука. Молча все. Только они как-то стонали.

-А потом как долго длились выстрелы, которые вы слышали?

- Долго длились выстрелы. И в том одном направлении, котором мне мама рассказывала.

-Меньше часа, больше?

-Меньше часа.

-И стреляли одиночными или очередью выстрелов?

- Не как из автомата, а как одиночными. Даже эти звуки у меня и сейчас запечатлились. Вот, одиночными выстрелами стреляли.

-А потом вы видели, как возвращались эти полицейские?

-Нет. Я не видела, я уже ушла в дом. Может по другой улице.

-А вы потом на это место, где вы говорите 7-я площадка, никогда не ходили?

- Я ходила туда на кладбище, там моя похоронена тётя. Тогда, когда были уже ямы, где расстреливали. Я ходила на расстоянии, но я близко подходить боялась.

-Но вы могли видеть ямы?

-Тогда, когда я ходила ? Конечно, я могла видеть ямы! Я могла видеть ямы, они их присыпали травой, ветками, ямы опускались вниз, люди еще песочком подсыпали. Я могла тогда видеть, но я боялась. Знала, в каком месте, а ходить туда я боялась. Вот мне страшно было.

-Вот вы говорите , что вы были на кладбище и эти ямы были там, на кладбище?

- Нет, это было рядом с военгородком 7-я площадка. Это не на кладбище. А я ходила на кладбище недалеко от этих ям, по дороге.

-Недалеко – это, на каком расстоянии?

- На расстоянии... Ну, я ходила, на расстоянии ,как квартал на улице. На улице домов квартал, на таком я ходила от этих ям.

-Я не знаю, 200 метров или больше?

- Не больше, чем 200 метров. Но туда зайти посмотреть я боялась. Если бы я подошла, я бы видела. Недалеко от дороги был лесок , вот дорога, потом такие маленькие елочки, моя мама, когда видела машину тую, когда людей выталкивали , значит, это недалеко было от дороги не сильно. Но я боялась в то место ходить. Мне было страшно туда ходить.

- С такого расстояния в 200 метров, вы, наверное, даже не могли видеть очертания тех ям, было что-нибудь видно?

- Тогда когда расстреливали, так те же ямы были свежие, они же были видны, кругом растения, а ямы не успели зарости травой и кустарником, были свежие. Это не то, что там год какой прошел или два...

-Я понимаю, что были свежие. У меня вопрос, вы могли видеть или слишком далеко было, чтобы вы их видели?

-Когда я шла пауз дорогу, я смотрела в ту сторону , но я ямы те не видела.

-Понятно.

-От дороги на расстоянии , ну если бы я подошла хотя бы на метров 40. Я бы, может, увидела. А так с дороги ямы я не видела. Но близко от дороги.

-Скажите, пожалуйста, вы говорили, что евреев мужчин вели на работы какие-то?

-Да, вели на работы, некоторые вели по 6 по 10 человек на разные работы. Вот один полицейский ведет на один какой-то объект, другой - на другой объект. Вот так, я видела по несколько человек вели на работу. А куда, я не знаю.

-А на какие, вы не знаете?

-На какие не знаю, но я видела, как вели по несколько человек на работу.

-Понятно. Скажите, пожалуйста, вот после той колонны, тех расстрелов, в Осиповичах еще оставались евреи живые?

-Мне кажется, нет. Мне кажется, уже не было.

- А в конце войны?

-После того, как женщина на квартире жила с ребеночком, она еще жила. Эта женщина еще жила. После этой толпы, что я видела, эта женщина еще жила.

-Это ее потом уже забрала?

-Потом. Полицейские забрали потом. Она еще жила.

- А в конце войны в Осиповичах остались евреи?

-В Осиповичах не было ни одного. А после войны, кто остался жив , несколько человек вернулось в Осиповичи после войны, когда нас освободили.

- А из эвакуации или из партизан?

-Я думаю, из эвакуации.

-И вы помните, как звали этих людей, которые вернулись?

- Вот, моя учительница. Лейкина... фамилию помню, имя забылась... Учительница немецкого языка, она вернулась. Вернулась она, потом еще ... кто вернулся... Ну, в Осиповичах ... Кто еще вернулся, но в Осиповичах он не жил... Голанд, кажется... Голанд... Мой одноклассник погиб, брат его вернулся и уехал в Ленинград. Кто же еще вернулся... Я не знаю, может они живы остались, но в Осиповичах... Но еще 2 или 3 человека вернулись, но я уже забыла. Знала фамилии, но уже забыла.

-А были такие случаи, чтобы здесь кто-то был спрятан у местных и выжил человек?

- Не было. Ушли в партизаны, а в городе никого не было. У нас в Осиповичах никого не было.

- В начале, вы говорили, что стали расстреливать и коммунистов тоже. Вам известны случаи, когда вот здесь расстреливали коммунистов ?

- Был случай. Вот по нашей улице моего папы двоюродный брат, он был коммунист. Моего папы брат жил за городом в маленьком домике. Он был не коммунист. Он мой был дядя.

-Как его звали, фамилия?

- Санкович Борис Федорович. Но он был как бы на окраине, к нему пришли партизаны, чтоб связаться с осиповичскими коммунистами. Так он сказал, что мой двоюродный брат по нашей улице он жил, Санкович Иван Демьянович, что он коммунист. Я к нему могу завести. Он с ним связался и как я не знаю, от партизан надо было радистку оставить в Осиповичах. И вот они привели туда радистку в Осиповичи. И мы все там близко жили, видали ту радистку, во дворе она ходила, на улицу она не ходила. И мы уже знали, что появилась какая-то молодая девушка, но на улицу не выходит. Моя мама туда ходила, это родственники. Когда мама туда ходила, она не пряталась. Но мама ничего не спрашивала, но мы видали. И вот она жила долго... жила она до... в 43-м году одного партизана....А, а мой там дядя выходил в определенное время на улицу и какой-то чемоданчик... какие там документы ... чемоданчик надо было нести на нашу улицу моему родственнику коммунисту. А тот давал другой

чемоданчик, а что у том другом чемоданчике он не знал, он был связным. И вот кто-то предал. Это в 43-м году. Он вышел на улицу. Тот партизан, где-то уже в кустиках ждал его. Он вышел на улицу и идет к тому кусту, где должен быть тот партизан, а там полицейский. Его сразу арестовал и его повел с этим чемоданчиком в комендатуру. И дом его спалили, а жену и ребеночка взяли в Германию, а моего дядю в Осиповичах в лагерь взяли. Арестовали, а потом их перевели в Бобруйск. А туда, куда он этот чемоданчик должен был нести, ту всю семью арестовали этого коммуниста, рядом его брат жил, сестра жила. Это моего папы троюродные братья и сестра троюродная. И, когда уже слышим, подъехала машина к ним, я вышла на улицу и мама моя вышла на улицу, и мы видим, их с дому толкают в машину. Они не идут, а их толкают в машину. Мы все перепугались и догадались, что их всех арестовали. Женщин всех взяли в Германию, а мужчин расстреляли. У Бобруйске расстреляли. Из Германии все вернулись живы и рассказывали, что в последнюю ночь в Бобруйске их держали, была там перегородка, мужчины отдельно, женщины отдельно. И через перегородку они прощались со своими женами, потому что полицейский сказал, что вы тут ночуете последнюю ночь, вас расстреляют. Мужчин расстреляли, а женщин в Германию.

-Сколько мужчин из вашей семьи было арестовано?

-Моего отца брат, один родной брат, который с чемоданчиком, Борис Федорович, это моего папы родной брат, а моего папы двоюродный брат, Санкович Иван Демьянович, Санкович Степан Демьянович и Санкович Юра Демьянович – 3 (2 брата в одной доме жили 3 квартиры, а один рядом дом жил). Их всех расстреляли.

- Всех 4-х расстреляли?

-Да. А женщин в Германию отправили. И они все вернулись с Германии.

-Вы говорили, что сначала мужчин завели в лагерь. Что за лагерь?

-В Осиповичах какой-то был лагерь, обнесенный проволокой, и там охраняли их, чтобы они не разбежались. Это назывался лагерь.

-Вы видели этот лагерь сами?

- Где они были, я не видела, только видела один лагерь недалеко от нас, от вокзала. Здесь были и пленные, и кого в Осиповичах без документов поздно вечером, считалось, это партизан раз нету документов, тогда в лагерь отправляли. Тот лагерь я видела, и в тот лагерь я ходила к одному, он был у нас до войны на квартире коммунист он был, он был в партизанах, потом он приходил к нам даже в дом, рассказывал, что он ушел в партизаны, брал у нас дома карты белорусские, а потом один полицейский, который охранял этих пленных возле вокзала, он подбросил на наш двор записку, что этот, который у нас на квартире был коммунист, он в лагере, он долго не будет, он очень слабый, его надо поддержать питанием, вы как-нибудь подкормите его, принесите, какие можете продукты, потом он в лагере не будет. Мама носила, готовила, что кушать ему, носила ему туда еду. И тот полицейский старался, он говорил, когда он работает, охраняет, когда смена – приносить. Потом один раз я пришла, а он сказал, уже больш не приносить, его выпустили оттуда, он ушел опять к партизанам. И после партизан он приходил к нам.

-Скажите, пожалуйста, что представлял собой этот лагерь, как он выглядел?

- Стоял дом, обыкновенный большой дом, там был, мне кажется, спортзал, а кругом колючая проволока.

-Территория большая была вокруг этого дома или маленькая площадь?

- Ну соток 10 может...

- Охрана была?

-Охрана была, полицейские охраняли и немцы были. Ну, а когда в Осиповичах была бомбежка, Крылович подорвал, это самая большая была диверсия за всю войну. Это было в Осиповичах. Подорвали много эшелонов с военной техникой.

-Я хочу спросить еще про этот лагерь. Во-первых, как звали этого человека...

-Которому я носила?

-Да.

-Василий Крупник.

-Этот лагерь просуществовал всё время войны?

- Когда бомбили эти эшелоны, это было недалеко, этот лагерь от этих эшелонов, то эти все пленные разбежались. Эта охрана вся разбежалась. Куда кто разбежался, я не знаю, но уже после того, лагеря этого уже не было.

-А в каком это году было?

- Это было в 43-м.

-А лагерь создали сразу после того, как немцы вошли или позже?

- Позже создали. Я не знаю, когда. Я знаю, что там были военнопленные.

-А сколько полицейских охраняло лагерь?

-Я не знаю сколько.

-А когда вы приходили, вы заходи внутрь или...?

-Нет, только возле ворот. Он передавал ему, батвы, что мама приготовила.

-Вы могли видеть заключенных, когда вы приходили или их там не было?

- Я не видела.

-Ни одного раза?

-Не видела. Где они были, не знаю. Только я полицейскому передавала еду.

-Понятно. Вы сказали, что там тоже пленные были. Это военнопленные?

-Военнопленные, советские.

- А откуда вы знаете? Вы же никого не видели?

- Это все знали. Осиповичи у нас как деревня, это все знали. Я не знаю, может полицейские рассказывали, это, как бы, не военная тайна. Это все знали.

-Но на улице никогда не было видно ни одного человека, всегда они только внутри были?

- А их водили на работу.

-Вы видели, когда их водили?

-Когда их водили, я не видела. Я жила очень далеко от них. Они были в одном конце, я жила в другом. Возле нас их не водили. На какие работы, я не знаю.

-Ни один раз, даже когда вы ходили туда?

-Один раз видела, недалеко от вокзала. Я не знаю, где я была, чего, их вели на работу. У них одежда такая была старая, рваная адежа, и у каждого была небольшая сумочка. У кого у руках сумочка была, тряпичная, у кого через плечо. И когда проходила я или проходили другие, они шепотом: «Дайте кусочек хлеба», - просили. А если кто протягивал, то полицейский не давал им хлеба. И потом они подошли полицейские и эта толпа подошли к какой-то мусорной яме и туда от кухни, там на вокзале была столовая и была кухня, туда выбрасывали отходы пищи. И им полицейский разрешил подойти к той яме, и они все в сумки набирали от картошки лушпайки. Это я видела. Это полицейский им разрешил, а кто протягивал кусочек хлеба – не разрешал. А лушпайки они в сумки себе наталкивали.

-И много человек было в этой колонне?

-Которой я видела? Ну, человек 20 было. А куда на работу их вели, я не знаю.

-Их охраняли только полицаи или были немцы?

-Когда я видела – полицаи.

- Сколько их было?

- Ну, может 2-3. Я уже забыла. Один с одной стороны толпы, один со второй. Но, кто хотел протянуть дать покушать, полицейский не разрешал.

-Они просто говорили что-то, что нельзя?

-«Отойдите! Отойдите от них!»

А я думаю, куда же их ведут. Остановилась, смотрю, к яме той разрешили им подойти.

-А как себя вели полицейские с военнопленными?

- Спокойно. Все тихонечко шли. Только они так шепотом тихонько: «Дайте покушать». А кто хотел протянуть – им полицейский не разрешал.

-Это единственный раз, когда вы видели?

-Один раз видела военнопленных.

-А вы не помните, это было в 41-м или позже?

-Ну, я не могу сказать, я забыла. Только не в 41, мне кажется, на следующий год. Может в 42-м, в 41-м я не видела.

-Припоминаете ли вы еще любые случаи, когда вы видели, как убивают людей или как арестовывают.

-Не видела больше.

-Или вы может убитых, трупы....

-Не видела. Я боялась, вечером же нельзя было ходить. Какие-то вечером делали вечеринки, а мы же молодые, как война где-то, а мы молодые делали вечеринки в домах. На гармошке там кто-то играл, туда полицейские приходили. Ну, мне же тоже туда хочется прийти посмотреть, кто туда ходит. Туда ходили полицейские, в угол винтовки свои поставят и танцуют. Это было только покуда темнеет, надо было уходить оттуда. Вот на эти вечеринки ходила, как будто нету войны, танцуют все, играет музыка. И полицейские, винтовки, главное, в угол поставят и танцуют. Те винтовки можно кому-то было подойти и украсть...

-Я еще такой вопрос хотела спросить: что случилось с имуществом тех евреев, которые были расстреляны?

- Которых расстреляли, у кого может колечко было золотое, цепочка какая золотая – всё забирали себе полицейские.

-А откуда вам это известно?

-А это рассказывали все люди. Это была никакая не тайна. Рассказывали, полицейские забирали.

-А вещи, которые оставались у них в доме, имущество?

-Никто ничего не забирал. Только, может, какое золото, евреи при себе носили колечко какое или серьги – это все себе забирали полицейские, когда расстреливали.

-А вещи их просто оставались в доме и никто их не забирал?

-Я не знаю, может, кто и забирал, но они никому не нужны были. Была война. Нам не надо было ничего. У нас, что было своё, то было своё. Так никто ничего не забирал.

-Вы не знаете, тогда в те года военные цыган не убивали?

-А у нас в Осиповичах цыган не было. После войны появились цыгане. А до войны цыгане ходили по домам, гадать, но в Осиповичах не жили. Может, где жили километров в 12, на станции Вереяцы, Вясьень, а у нас в городе не жили. У нас польская нация, еврейская, белорусы, русские жили.

-Спасибо вам за ваши воспоминания. Мы закончим.

-Не за что, это, что я помню.

-Спасибо.